

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В РОССИИ: СЮЖЕТЫ И ПОЛЕМИКА

RELIGION AND POLITICS IN RUSSIA: TOPICS AND CONTROVERSIES

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-647-663

Научная статья / Research article

Политизация общества и религиозные отношения в современной России

В.К. Пинкевич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1
titla@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы проследить связь между изменением религиозной политики государства и антицерковными протестами 2016–2020-х гг. Выступления против церковной реституции и строительства храмов вызвали обширную дискуссию, породившую ряд противоречивых, порой взаимоисключающих интерпретаций. По мнению автора, причиной этих протестов стали отнюдь не частные, или «бытовые», поводы, но более глубокие основания, связанные с недовольством политикой государства, позволившей одной конфессии использовать близость к власти для решения своих узкокорпоративных задач. Отдельное внимание автор уделяет изменениям религиозного законодательства, приведшим к усилению контроля за частной жизнью граждан и ущемлению права на свободу мировоззренческого выбора. В статье указывается, что религиозный вопрос разделил российское общество: правящий класс, с одной стороны, и значительная часть граждан – с другой, все заметнее стали расходиться в понимании места и роли религии в жизни страны. Протесты в Екатеринбурге, Питере и Москве стали, по мнению автора, частными случаями многочисленных проявлений политизации общества и нарастающего недовольства состоянием государственно-конфессиональных отношений в современной России. Автор заключает, что градус конфликтности, высокий уровень солидарных действий, разнообразный и резонансный событийный ряд, а также уровень идейной дискуссии позволяют отнести указанные события к разряду политических и плебисцитарных.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, свобода вероисповеданий, гражданский активизм, политизация общества, клерикализация государства, Русская православная церковь, светское государство

История статьи: Поступила в редакцию 15.07.2020. Принята к публикации 10.08.2020.

© Пинкевич В.К., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 647–663. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-647-663

The Politicization of Society and the Religious Issues in Modern Russia

Vasily K. Pinkevich

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
b.1, 82, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation
titla@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to trace the connection between the change in the religious policy of the state and the anti-clerical protests of the 2016–2020s. Statements against Church restitution and the construction of churches have caused extensive discussion, which has given rise to a number of contradictory, sometimes mutually exclusive interpretations. According to the author, the reason for these protests was not private reasons, but deeper reasons related to the religious policy of the state. The author pays special attention to changes in religious legislation, which led to increased control over the private life of citizens and infringement of the right to freedom of ideological choice. The article points out that the religious issue has divided Russian society: the ruling class on the one hand, and a significant part of citizens on the other, have become increasingly different in understanding the place and role of religion in the life of the country. According to the author, the protests in Yekaterinburg, St. Petersburg, and Moscow were special cases of numerous manifestations of politicization of society and growing dissatisfaction with the state of state-confessional relations in modern Russia. The author concludes that the degree of conflict, the high level of solidarity actions, a diverse and resonant series of events, as well as the level of ideological discussion allow us to classify these events as political and plebiscite.

Keywords: secular state, Constitution, state-confessional relations, freedom of conscience, freedom of religion, civil activism, politicization of society, clericalization of the state Russian Orthodox Church, secular state

Article history: Submitted on 15.07.2020. Accepted on 10.08.2020.

For citation: Pinkevich V.K. The Politicization of Society and the Religious Issues in Modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (4): 647–663. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-647-663

Введение

Государственная политика в религиозном вопросе в нашей стране в прошедшее десятилетие претерпела заметные изменения. Несмотря на закрепленный действующей Конституцией РФ 1993 г. светский характер государства, все более заметным становится присутствие религии как в публичной сфере, так и в отношениях отдельных религиозных организаций с государством. Постепенное изменение характера государственно-конфессиональных отношений в постсоветской России прошло довольно сложный и противоречивый путь. И это не случайно. Крупнейшая религиозная организация страны – Русская православная церковь и современное государство унаследовали от прошлого

неоднозначный опыт взаимоотношений. За десять столетий русской истории сложился имидж Православной церкви как послушного орудия в руках светской власти.

Революция 1917 г. мало что изменила. Волна репрессий против верующих и священнослужителей в первые десятилетия Советской власти постепенно смягчилась и уже в годы войны 1941–1945 гг. Русская православная церковь получила статус терпимой религии, но при условии полного контроля со стороны государства и подчинения его интересам.

Кардинально все стало меняться в постсоветской России. Принятие в декабре 1993 г. Конституции РФ ознаменовало начало нового периода государственно-конфессиональных отношений, построенных на принципиально иных основаниях. Конституция провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 1) и установила идеологическое многообразие (ст. 13), запрет на огосударствление религиозных объединений, их равенство перед законом (ст. 14), а также свободу совести, «включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст. 28).

Со своей стороны Церковь в лице патриарха Алексия II и синода выступили с заявлением, в котором: 1) назвали «несомненным успехом развивающейся российской демократии» такие ценности, как «свобода самовыражения, познания, поиска истины, выбора жизненного пути, передвижения, реальная, а не декларированная свобода совести» и 2) сформулировали самостоятельную, отличающуюся от правительственной позицию по вопросу о тех средствах, с помощью которых достигается благая цель (реформы), констатируя: что «для многих свободы, обретенные в результате перемен, обесцениваются из-за отсутствия экономической базы для их реализации»¹.

Однако со второй половины 1990-х гг. в церковных кругах появилась тяга к возвращению прежней модели отношений с государством. Церковь стала претендовать на обеспечение особого статуса «исторической религии коренной нации», на особые возможности в просветительской и образовательной деятельности, на участие в выработке решений по всем важнейшим вопросам жизни российского государства².

Государство, особенно с начала 2000-х гг., ответило на эти притязания весьма благосклонно. Светской власти оказалось выгодно эксплуатировать религиозную тему. Перед Церковью были поставлены идеологические задачи поиска новой национальной идентичности («национальной идеи») на основе утверждения «традиционных ценностей» в жизни государства и общества.

Вскоре проявились признаки стремительного огосударствления титульной церкви. Должность Патриарха Московского и всея Руси была внесена в

¹ Красиков А. Россия на перепутье. Религиозный фактор выбора пути в будущее. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2594> (дата обращения: 25.06.2020).

² II Всемирный русский собор. URL: <https://vrns.ru/documents/55/1269> (дата обращения: 25.06.2020).

список «протокольного старшинства российских официальных лиц» под номером 5. Предыдущие четыре строки в нем занимают сам президент, премьер-министр, а также председатели Государственной думы и Совета Федерации. Массово стали открываться храмы и фактически создаваться приходы РПЦ на территории государственных структур, чья деятельность должна служить интересам всего общества. Резко обострилась начавшаяся еще при Ельцине полемика по вопросу о преподавании в государственных школах предмета «Основы православной культуры».

Клерикализация государства и огосударствление все более доминирующей в сравнении с другими конфессиями Русской православной церкви стали сопровождаться усилением контроля за частной жизнью граждан и ущемлением права на свободу мировоззренческого выбора. Это стало одной из причин возрастающего общественного недовольства характером государственно-конфессиональных отношений.

Цель статьи состоит, во-первых, в том, чтобы проследить, как изменение религиозной политики государства во второй половине 1990-х гг., выразившееся в идеологизации роли Церкви, изменении религиозного законодательства, наступлении на конституционные принципы светскости государства, привело к общественным протестам после 2010-х гг., и, во-вторых, раскрыть их политический характер.

Идеологический запрос на роль Церкви

Возвращение религии в социально-политическое пространство страны одобрялось определенной частью общества и политическим истеблишментом [1]. Среди церковного руководства и наиболее приближенного к власти духовенства нашлись влиятельные группы, выступавшие за расширение социально-политических возможностей «титульной конфессии». С этой целью в 1993 г. была сформирована околоправославная церковно-общественная структура «Всемирный русский народный собор» (ВРНС), ставшая идеологической площадкой взаимодействия с политическим руководством страны и государственными структурами. В его задачи входило распространение православных ценностных ориентиров на жизнь общества, а также налаживание координации РПЦ с властными институтами и политическими партиями. Политический истеблишмент отнесся к этим инициативам весьма благосклонно, поэтому уже в конце 1990-х гг. Русская православная церковь переходит к внедрению системы взглядов, применимой к широкому кругу общественно значимых тем. Среди них можно выделить три основные:

- идеологическое обеспечение нового «традиционного» взгляда на историю, который сегодня получил окончательное закрепление в новой редакции Конституции 2020 года;
- закрепление православной идентичности, отрицание западных ценностей;
- усиление регулирующей функции религиозных норм взамен правовых.

Очевидно, в настоящее время в руководстве страны господствует идея о том, что в России историческое знание должно участвовать в консолидации общества и закреплять в нем необходимые представления в том виде, в котором их сформулировала церковь и одобрило государство. Поэтому при поддержке государства священноначалие РПЦ продвигает концепцию российской истории, в которой «Запад» представлен как некая враждебная сила, против которой направлено единство «русской цивилизации», основанное на православной вере, «традиционных ценностях» и общем историческом прошлом. Периодическая вражда России с западными соседями интерпретируется как многовековая фаза столкновения двух цивилизаций [2].

Критика современной демократической концепции прав человека и обоснование неприятия политической свободы и гражданских прав стали наиболее важной частью идеологии Русской православной церкви³. Эта идеология позволила перевести в практическую плоскость намерение изменить религиозное законодательство в духе новых веяний [3].

В феврале 2006 г. генеральный прокурор Владимир Устинов выступил на открытии «Международных Рождественских образовательных чтений» с докладом «Утверждение духовности – основа возрождения России». Говоря о значении духовности для России, он высказался за то, что общество нужно лечить в том числе и путем «...контроля за соблюдением стандартов поведения человека». Дефицит исполнения требований нормативных актов, по словам Устинова, должен быть «...преодолен при условии, что будет поставлен духовный заслон, если все мы повернемся к истокам нравственности, к пониманию духовной природы правонарушений. Это даст нашему обществу лекарство для их одоления» [4, с. 58]. Этим и другими подобными выступлениями представителей истеблишмента утверждалась мысль о недостаточности формальных функций закона и необходимости его дополнения «духовными регуляторами». Эти мысли очень скоро «материализовались», и в российском религиозном законодательстве появились нормы, содержащие плохо формализуемые нравственные предписания. В итоге это привело к размыванию регулирующих функций закона и к тому, что впоследствии специалисты назвали «гибридизацией» религиозного законодательства⁴.

«Гибридизация» религиозного законодательства

Религиозное законодательство, каким мы его видим сейчас, явилось не вдруг. Первые противоречия с конституционным принципом светского государства появились еще в 1997 г. в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях». В преамбуле закона были выделены четыре исторически

³ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. URL: <https://azbyka.ru/osnovy-ucheniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-o-dostoinstve-svobode-i-pravah-cheloveka> (дата обращения: 21.04.2018).

⁴ Симкин Л. Гибридная демократия и свобода совести // Независимая газета 05.07.2017. URL: http://www.ng.ru/facts/2017-07-05/14_423_hybrid.html (дата обращения: 21.04.2018).

укорененных в России конфессии, сыгравшие «особую» и «важную» роль в жизни общества и государства, роль остальных конфессий не упоминалась. Этим было допущено разделение конфессионального пространства страны, недопустимое для светского государства. По справедливому замечанию многих экспертов, в этом документе был реализован принцип отделения «нетрадиционных религий» от общего религиозного пространства страны. И хотя в преамбуле к закону нет буквального упоминания о разделении религий на «традиционные» и «нетрадиционные», однако деление религий по этому основанию вошло в общественное сознание и политический лексикон. То, что закон 1997 г. «противоречит самим основаниям конституционного устройства Российской Федерации и общепринятым принципам и нормам международного права, признал президент Б.Н. Ельцин⁵. Несмотря на президентское вето, спустя некоторое время, закон был принят без изменений. С этого момента вектор религиозного законодательства был предопределен.

В 2004 г. появляется определение Конституционного суда, согласно которому «принцип светского государства не может истолковываться и реализовываться без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий»⁶. Это определение положило начало процессу, который юристы назовут «произволом туманных определений». В самом деле, что такое «учет особенностей исторического развития»? В нашей истории были периоды и православной государственности (до 1917 г.), и государственности атеистической (1917–1991 гг.), и «либеральной» религиозной политики (1991–1997 гг.). Какой период следует выбрать в качестве отправной точки для «правильной» трактовки принципа светскости и кому это решать?

Нечеткость и размытость определения Конституционного суда создали возможности для чиновничьего произвола как в практике управления религиозными отношениями, так и в законодательской деятельности. 26 июня 2013 г. в УК РФ были внесены изменения, ужесточающие ответственность за оскорбление чувств верующих. С самого начала, еще на стадии обсуждения, многими экспертами и общественными деятелями высказывались опасения из-за введения в закон неформализуемых понятий «чувство» и «верующий», что открывало широкие возможности для вольного толкования регулирующих функций этой правовой нормы. Кроме того, в совершенно

⁵ В частности, он сказал: «...демократическое государство не может ущемлять интересы меньшинств (даже если эти действия продиктованы благородными на первый взгляд целями)». Цит. по: Уоллес Д., Кристофер М. Российский закон о свободе совести 1997 г. вчера и сегодня. URL: <http://www.keston.org.uk/russia/articles/tr28/01Wallece.html> (дата обращения: 21.04.2018).

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от 15 декабря 2004 г. «По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина // Российская газета. № 3663. 2004 г., 24 декабря.

двусмысленном положении оказалась весьма значительная группа граждан, относящихся к группе неверующих. Они (их мировоззренческий выбор) оказались как бы вне законодательной защиты. Закон о чувствах верующих не отменял (поскольку Конституция по статусу выше Федерального закона), но практически дезавуировал конституционный принцип свободы совести (ст. 28), равенства граждан независимо от отношения к религии (ч. 2 ст. 19), положение о признании в нашей стране идеологического многообразия (ст. 13) и ряд других конституционных норм, регулирующих религиозный вопрос⁷.

Очевидно, что такое расхождение законов и Конституции создало новые возможности для административного произвола. Последствия, увы, не с заставили себя ждать: довольно быстро появился ряд экзотических судебных дел и «воспитательных» инициатив со стороны православных епархий и олоправославных активистов [5]. Обвинения в возбуждении ненависти и оскорблении чувств верующих были предъявлены блогеру Соколовскому за публикацию провокационных видеороликов атеистического свойства, в том числе сюжета о ловле покемонов в екатеринбургском Храме-на-Крови (прокурор потребовал 3,5 года колонии, в итоге блогер получил два года три месяца с испытательным сроком в два года). В целом ряде регионов православные епархии выступали за отмену театральных постановок (в Новосибирске режиссера оперы «Тангейзер» также пытались обвинить в оскорблении религиозных чувств). Наконец, в 2017 г. депутат Госдумы РФ Наталья Поклонская обвинила режиссера фильма «Матильда» Алексея Учителя в оскорблении чувств верующих за неканоничный образ царя-мученика Николая II.

Еще один закон, или блок «антитеррористических» законопроектов, который в СМИ называют «пакетом», или «законом Яровой», был подписан президентом 6 июля 2016 г. Если обобщить его положения в части, относящейся к религиозным вопросам, то они заключаются в следующем: любой верующий, рассуждающий о вере вне культового здания от имени религиозного объединения, должен иметь при себе документ от организации. Религиозные группы, которые уведомили о своем существовании, также должны выдавать документы своим миссионерам. В жилых помещениях можно проводить обряд, но

⁷ Гарантия светскости государства содержится в части 1 статьи 14 Конституции: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». К числу других основополагающих конституционных положений относятся: а) в Российской Федерации признается идеологическое многообразие (ст. 13); б) государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19); в) каждому гарантируются свобода совести, свобода вероисповедания включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28); г) не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая религиозную ненависть и вражду, запрещается пропаганда религиозного превосходства (ч. 2 ст. 29); д) каждый имеет право на объединение, никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (ст. 30).

нельзя проповедовать или приглашать туда неверующих. Кроме того, жилое здание нельзя сделать культовым. Проповедующий свою веру в сети Интернет, в средствах массовой информации «либо другими законными способами» также должен иметь документ от организации. Санкции предусматривают штрафы для граждан до 50 тысяч, а для организаций до 1 млн рублей.

Ранее, в июле 2015 г., также были приняты поправки к Закону о свободе совести, согласно которым религиозные группы фактически должны уведомлять органы власти о своем существовании, что в совокупности с «Законом Яровой» привело к тому, что любая группа верующих, собравшаяся сама, без какого-либо разрешения на улице или в частном доме, может быть оштрафована⁸. Два года правоприменительной практики показали его контрпродуктивность. Закон принимался в целях противодействия терроризму, но по нему не была пресечена деятельность ни одной террористической организации и не был привлечен к ответственности ни один террорист. Но вместе с тем было вынесено несколько сотен постановлений по делам об административных правонарушениях, связанных с этим законом; под его действие попали главным образом протестантские конфессии⁹.

Не заставили себя ждать и негативные последствия для всего общества. Основанием для преследования теперь могло послужить все что угодно. Любая случайность, будь то неосторожный перепост в социальных сетях, обида прихожанина «титульной церкви», разговоры о религии не с теми людьми и не в том месте, завалившаяся на полке книжка, оказавшаяся в «экстремистских» списках, десятки других поводов, которые невозможно предвидеть, – все стало представлять угрозу. В результате закон о защите религиозных чувств вместе с «пакетом Яровой» стали в глазах значительной части общества символом и воплощением контроля государства за частной жизнью не только людей, причастных к религии, но и всех граждан. «Обычный человек», далекий от религии и идеологических перипетий, стал чувствовать себя все менее защищенным от произвола власти, ущемленным в своих базовых правах [6]. Это стало одной из причин общественного недовольства характером государственно-конфессиональных отношений, негативного отношения к возрастающей общественной и государственной роли Русской православной церкви.

Поток подобных нормотворческих инициатив не прекращается и по сей день. 21 июля 2020 г. Правительство РФ внесло в Государственную думу законопроект об изменениях в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором предполагается расширить круг оснований для вмешательства государства в дела религиозных организаций,

⁸ Лункин Р. От религиозного бума к Закону Яровой: атеизм без атеизма и православие без православия // Религия и право: сетевой журн. 24 ноября 2016. URL: <http://www.invictory.com/columns/1429/> (дата обращения: 21.04.2018).

⁹ Ряховский В. Парадоксы борьбы с «экстремизмом»: нужно ли видеть угрозу в религии // Религия и право. 23 ноября 2017. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=466&ELEMENT_ID=7714 (дата обращения: 21.04.2018).

строже их проверять на предмет связи с террористами, ужесточить контроль за лицами, преподающими в религиозных организациях¹⁰.

Идеологическое наступление на «светскость»

Наряду с процессами, описанными выше, необходимо отметить наметившееся примерно около 2010-х гг. идеологическое наступление на конституционные принципы светского государства. Критики принципов светского государства нашли теперь себе союзников среди некоторых представителей экспертного религиозоведческого сообщества, а также значительной части политического истеблишмента.

Ни в коем случае не претендуя на раскрытие всей полноты идейной дискуссии, обратим внимание на некоторых авторов, пишущих на религиозоведческие темы в изданиях, различающихся по своей идеологической направленности. Примеры весьма показательные, хотя, конечно, не представляющие репрезентативный срез всего экспертного сообщества.

В 2008 г. на страницах интернет-издания «Русский журнал» вышла статья Д. Узланера «Трансформация светскости», в которой автор, отождествив понятия «светскости» и «секуляризма», выдвинул тезис о том, что светское мировоззрение в современной российской действительности является стороной в конфликте с религиозным мировоззрением, а «светский проект потерпел решающее поражение и утратил монополию на описание реальности¹¹. В 2014 г. в сборнике центра Карнеги «Монтаж и демонтаж секулярного мира» религиовед Б. Кнорре утверждал, что понятие светскости является не только этически уязвимым, оно еще и связывает по рукам, критикует и «минимизирует» российское православие и не дает возможности раскрыть его потенциал на общественно-политическом поприще [4].

Внесли свою лепту в критику конституционного принципа светскости и праведы. Так, например, М. Шахов в ряде публикаций заявлял о том, что конституционный термин «светское государство» является малосодержательным, декларативным и подверженным произвольным толкованиям¹². Стоит обратить внимание и на монографию И. Понкина, в которой утверждалось, что набор признаков, характеризующих содержание понятия светского государства в XIX – первой половине XX в., уже не может адекватно

¹⁰ 6 важных изменений в законодательство о религии, которые могут вступить в силу в РФ этой осенью. Кредо.ру: [портал о религии]. URL: <https://credo.press/232234/> (дата обращения: 01.08.2020).

¹¹ Узланер Д. Трансформация светскости // Рус. журн. – 2008. – 28 дек. URL: <http://www.russ.ru/role/Transformacii-svetskosti> (дата обращения: 21.04.2018).

¹² Профессор Шахов М.: «Нужно ли России именовать себя в Конституции „светским государством“?» // Религия и право: сетевой журн. URL: http://www.sclj.ru/analytics/comment/detail.php?ELEMENT_ID=6081 (дата обращения: 21.04.2018). См. также: Русская народная линия // Информационно-аналитическая служба. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/04/21/professor_mihail_shahov_nuzhno_li_rossii_imenovat_sebya_v_konstitucii_svetskim_gosudarstvom (дата обращения 25.06.2020).

и корректно отражать особенности светского государства в конце XX – первой половине XXI в. [7]¹³.

Заметным событием, повлиявшим на отношение к конституционному принципу светскости, стало выступление президента В. Путина на Архиерейском соборе Русской православной церкви 1 февраля 2013 года. Президент заявил тогда о необходимости расширить толкование понятия «светское государство» и отказаться от «вульгарного понимания светскости» в связи с увеличившейся ролью Церкви в жизни государства и общества¹⁴.

Выступление президента стало поворотным событием, повлиявшим на отношение к принципам светскости в политическом истеблишменте России. Так, например, летом 2017 г. в Государственной думе и Общественной палате РФ прошла серия дискуссий по религиозному вопросу, а точнее – «новому пониманию» государственно-конфессиональных отношений в современной России ввиду возросшей общественной роли РПЦ. В своем выступлении 18 июня глава комитета Госдумы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений С. Гаврилов призвал Конституционный суд дать такое толкование понятия «светского государства», чтобы исключить любые антицерковные выступления и создать все возможности для поддержания системы духовно-нравственных ценностей¹⁵.

В аналогичном ключе, примерно в это же время, проходила дискуссия в Общественной палате РФ, где обсуждались принципы «новой светскости». Председатель комиссии Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений И. Дискин отметил в своем выступлении, что принцип светскости не должен рассматриваться с формально-правовых позиций, но должен учитывать изменившийся характер взаимодействия общества, государства и религиозных организаций. По мнению И. Дискина, действующий закон был написан в 90-х гг. прошлого века на основе либеральных представлений, поэтому новое законодательство должно учитывать, что «две трети россиян рассматривают веру как нравственный ориентир»¹⁶.

Таким образом, есть основания утверждать, что после 2010-х гг. в политическом истеблишменте и части экспертного сообщества сложился консенсус в отношении признания возросшей общественной роли Русской православной

¹³ Более развернутое изложение современных экспертных взглядов на светскость можно увидеть здесь: Пчелинцев А.В. Светскость государства как конституционно-правовая гарантия реализации свободы вероисповедания // Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н., Свобода совести в современной России. – М.: Региональная общественная организация содействия просвещению граждан. Информационно-аналитический центр «Сова», 2017 [8].

¹⁴ Выступление Президента РФ В.В. Путина на встрече с участниками Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Русская Православная Церковь: [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2767741.html> (дата обращения: 08.04.2018).

¹⁵ См.: Лункин Р. Светскость как оружие. Зачем в России хотят пересмотреть основы светского государства? Кредо.ру: [портал о религии]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=127966> (дата обращения: 08.04.2018).

¹⁶ Там же.

церкви и в связи с этим необходимости пересмотра конституционного принципа светскости государства.

Религиозный вопрос и политизация общества

Итак, правящий класс, с одной стороны, и значительная часть граждан – с другой, все заметнее стали расходиться в понимании места и роли религии в жизни общества, поэтому вполне обоснованным будет утверждение о том, что религиозный вопрос разделил российское общество.

Отдельно нужно объяснить изменившееся отношение и к Русской православной церкви. Выше уже говорилось, что в последние годы стало ухудшаться отношение значительной части россиян к возрастающей общественной роли Церкви и ее сближению с государством. Чем это объяснить? Одно из объяснений состоит в том, что многие граждане почувствовали себя ущемленными в праве на свободу слова и свободу совести, и произошло это во многом благодаря принятию «религиозных» законов, значительно ограничивших эти права. Трудно судить, насколько справедливо, но «виноватой» в таком положении дел общество «назначило» Русскую православную церковь, посчитав ее причастной к изменению религиозной политики не меньше, чем само государство, а может быть и больше. К тому же именно Церковь всегда утверждала примат религиозной традиции над гражданскими свободами. В итоге проповеди о неприемлемости для России «западных» стандартов прав человека обернулись для людей реальным отнятием этих прав, а для Церкви – бременем ответственности за это.

Процесс разделения россиян по религиозному признаку явно обозначился в конце 1990-х гг. и, постепенно углубляясь, после 2010-х гг. стал проявляться в открытых формах гражданского протеста. Именно с этого времени конфликты, имеющие отношение к религиозным вопросам, стали заметным фактором политической напряженности в российском обществе. Приведем только несколько примеров. 13 мая 2019 г. в Екатеринбурге радикально обострилась коллизия по поводу строительства храма святой Екатерины в сквере рядом с домом правительства. В ходе протестной акции 13 мая толпа около двух тысяч человек оттеснила полицию, повалила ограждение будущей стройплощадки и захватила сквер. Противоборство защитников сквера, полиции, представителей ЧОП и мастеров единоборств продолжалось до утра 14 мая. Противостояние в итоге достигло такого накала, что удостоилось комментария президента РФ [9]. Это событие, однако, не стало чем-то новым в ряду аналогичных конфликтов в общественно-религиозной сфере за последние годы. Достаточно вспомнить общественный резонанс по поводу уголовного преследования панк-группы «Pussy Riot», скандал с оперой «Тангейзер» в Новосибирске, нападение на выставку в московском Манеже, многочисленные протесты против строительства храмов и церковной реституции – вот далеко не полный перечень конфликтов, имевших место после 2010 г.

В целом эксперты выделяют четыре конфликтные зоны, в которых пересекаются интересы церкви, общества и государства в последние годы:

- строительство храмов Русской православной церкви в парках, скверах и лесопарках;
- церковная реституция, то есть возвращение Церкви ранее принадлежавших ей религиозных зданий;
- ущемление прав и свобод гражданина (свободы совести, свободы слова, равенства граждан вне зависимости от религиозной принадлежности);
- антисектантская деятельность Русской православной церкви¹⁷.

2016 и 2017 гг. были наиболее урожайны на резонансные события в общественно-религиозной сфере, поэтому, для примера, обратимся к некоторым из них. Одними из заметных и показательных представляются конфликты вокруг строительства храма в парке Торфянка в Москве, а также передачи Русской православной церкви Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Эти события интересны тем, что в них наиболее концентрировано отразились проблемы государственной политики в религиозном вопросе. Кроме того, Торфянка и «Исаакий» дают достаточно фактов, позволяющих интерпретировать события в Москве и Петербурге как политические.

Торфянка

Строительство православного храма в парке Торфянка Лосиноостровского района Москвы производилось в рамках программы Русской православной церкви «200 храмов». Местные жители выступили против строительства храмового комплекса, однако городские власти и Церковь продолжали настаивать на строительстве именно в парковой зоне. Противостояние сторон, вначале в форме полемики, постепенно перешло в открытое столкновение, порой жесткое, сопровождавшееся нарушением общественного порядка и даже физическим насилием. Конфликт вызвал большой интерес общественных деятелей, политиков, прессы. Значительный общественный резонанс в итоге привел к тому, что строительство храма было приостановлено на неопределенный срок.

По каким признакам мы можем отнести указанное событие к рангу политических? Их несколько.

Во-первых, обращает на себя внимание градус конфликтности во взаимном противостоянии «протестантов» с властью. Уже с самого начала конфликта митинги жителей и примкнувших к ним защитников природы разогнала полиция и возбуждались уголовные дела. Обвинения выдвигались в основном по трем статьям: «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» (148 статья УК), «Публичного оскорбления чувств верующих (часть 1 статьи 148 УК) и незаконного воспрепятствования деятельности религиозной организации (часть 3 статьи 148 УК). При этом у власти были

¹⁷ Сергазина К. Церковь, общество, государство: покровительство властей религиозным организациям. Кредо.ру: [портал о религии]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=125594> (дата обращения: 08.04.2018).

возможности предотвратить конфликт между местными жителями и застройщиками обычным, много раз применяемым способом перевода противостояния в формат публичных слушаний, то есть в русло обсуждения и компромиссов. Но, поскольку с самого начала городские чиновники и полиция приняли в конфликте сторону Церкви, все пошло по другому сценарию. Власть предпочла жесткий сценарий и получила симметричный ответ москвичей. «Властно-церковный» альянс вынужден был отступить.

Вторым признаком, позволяющим отнести конфликт в Торфянке к ряду политических, стал высокий уровень самоорганизации и солидарных действий местных жителей. Защитники парка смогли самоорганизоваться для полноценной круглосуточной «обороны» от посягательств застройщиков. Помимо этого они смогли разработать эффективную стратегию сопротивления, состоящую в привлечении к конфликту внимания общества, средств массовой информации и социальных сетей. Они создали движение «За парк Торфянка», что позволило эффективно взаимодействовать с различными правозащитными и экологическими организациями. Как показали дальнейшие события, такая стратегия себя полностью оправдала. К протесту подключились не только местные жители, но и сторонние граждане, чьи интересы непосредственно в этом конфликте не затрагивались. Жителей Торфянки поддерживали студенты и дальнобойщики, представители политических партий (Яблоко, КПРФ), местные депутаты и общественные организации.

Еще один признак – характер происшествий, сопровождавших конфликт. Событийный ряд вокруг парка оказался богат острыми, напряженными и резонансными сюжетами, нехарактерными для бытовых конфликтов. Одним из самых ярких, интересных и драматичных событий, привлечших внимание общества, стало противостояние (местами силовое) жителей и православных активистов движения «Сорок сороков». Это околоправославная структура, в задачу которой входит защита программы строительства храмов от противодействия недовольных [10]. Данный сюжет попал в фокус общественного внимания после того, как в социальных сетях противники строительства храма пожаловались на случаи нападения «православных активистов» и опубликовали соответствующие видеозаписи. На этом фоне резко возрос интерес к неожиданному для всех «расколу» православного сообщества. Несмотря на то, что глава РПЦ МП патриарх Кирилл назвал тех, кто протестует против строительства храмового комплекса сектантами и язычниками», на стороне протестующих выступили православные «церковные интеллектуалы» и обычные православные миряне, осудившие позицию патриархии. Подобных сюжетов было достаточно много.

Важной отличительной чертой, позволившей оценить данное событие как политическое, стало и то, что Торфянка послужила примером для возникновения аналогичных протестов по всей стране. Если в 2016 г. конфликты вокруг строительства храмов были единичными, то уже в 2017 г. их стало существенно больше. Против строительства новых церквей в 2017 году выступили жители Красноярска (храм на стрелке), Чувашии, подмосковной Черноголовки

(поклонный крест), Екатеринбурга (набережная Исети), Нижнего Новгорода (парковая зона), Махачкалы (озеро Ак-Гель), Смоленска (Соловьиная роща), Ростова-на-Дону (сквер Анатолия Собино), Брянска (парковая зона), Каменска-Уральского, Томска (сквер) и др.

И наконец, обращает на себя внимание сложная идеологическая палитра, сопровождавшая конфликт в средствах массовой информации. Здесь прослеживается множество линий напряженной общественной дискуссии: сторонников светского государства против поборников православной государственности, традиционалистов против либералов, тех, кто защищает права человека и кто выше этих прав ставит защиту религиозных чувств и т.д. Поэтому вполне обоснованно можно утверждать, что в основе протеста лежали не столько бытовые, сколько «идейные» мотивы. И хотя поводом к конфликту послужило недовольство фактом застройки парка, основанием же, «раскрутившим» событие до общественно-политического уровня, стало возмущение религиозной политикой государства, побудившей людей протестовать против использования одной конфессией близости к власти для решения своих узкокорпоративных задач.

«Исаакий»

10 января 2017 г. губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко объявил о передаче Исаакиевского собора РПЦ МП. Жители Санкт-Петербурга ответили на заявление Полтавченко протестами. В течение нескольких месяцев в городе прошло множество публичных акций как в поддержку музея, так и в поддержку позиции губернатора. Это событие вызвало широкий общественный резонанс, в него были вовлечены общественные деятели, политические партии, Законодательное собрание Петербурга, высшие иерархи РПЦ МП, крупные чиновники. В итоге передача собора не состоялась.

В Петербурге, конечно, произошло не в пример больше событий, чем вокруг скромного московского парка. Здесь прошел десятитысячный митинг на Марсовом поле, защитники Исаакиевского собора и профсоюзы прошли единой колонной по Невскому проспекту. Прошел митинг и крестный ход с участием детей, что дало повод прокуратуре города провести проверку законности привлечения несовершеннолетних. Гражданские активисты размещали в вагонах метро Петербурга плакаты против передачи собора и т.д.

Формальным поводом для общественных протестов стала непубличность церковной реституции, то есть попытки властей «тайком» передать здание собора церкви. Однако основания общественного возмущения оказались намного глубже этого конкретного повода. Как и в случае с московским протестом, общественность Петербурга выступила против отступления государственной политики от принципов светскости и против использования РПЦ близости к власти для решения своих задач за счет общества. Об Исаакиевском соборе можно сказать практически то же самое, что и о Торфянке: оно проявило себя как зрелое движение гражданского политического активизма.

Но в Петербурге мы могли наблюдать и нечто новое, а именно то, что конфликт, выйдя на федеральный уровень, поколебал консенсус элит в отношении

светскости государства. На «Прямой линии» 15 июня 2017 г. президент России Владимир Путин, отвечая на вопрос о статусе Исаакиевского собора, сказал, что Россия – это «светское государство, оно таким сложилось и будет», и что «не нужно использовать это как инструмент мелкой политической возни»¹⁸. Это заявление поставило точку в конфликте, но для нас интересно другое, а именно, что оно резко контрастирует с его же выступлением за 4 года до этого на Архиерейском соборе 1 февраля 2013 года. Напомним, что тогда президент говорил о необходимости «отказаться от вульгарного понимания светскости» и тем самым расширить толкование понятия «светское государство» в сторону признания за церковью бóльших полномочий в жизни государства и общества. Что произошло за эти четыре года и что заставило президента так радикально пересмотреть свои взгляды? Ответ один – это изменение общественных настроений, выраженное в политических действиях граждан.

Заключение

В заключение приведем выводы, которые, как представляется, вытекают из содержания статьи:

1. Изменение религиозной политики государства во второй половине 1990 х гг. привело к значительному росту общественного недовольства, которое с 2010-х гг. стало проявляться в открытых формах гражданского протеста.

2. Сближение церкви с государством и возвращение религии в социально-политическое пространство страны было сопряжено с задачами идеологической консолидации общества, одна из которых состояла в усилении регулирующей функции религиозных норм взамен правовых.

3. Изменение религиозного законодательства, повлекшее за собой ущемление гражданских прав, все больше воспринимается обществом как символ и воплощение контроля государства за частной жизнью граждан.

4. При этом многие осознают, что Русская православная церковь причастна к этому не меньше, чем само государство. Проповеди о неприменимости в России «западных» стандартов прав человека оборачиваются для общества реальным ограничением этих прав, а для Церкви – бременем ответственности за это.

5. Российское общество далеко не едино в своем отношении к изменению религиозной политики в стране. Правящий класс, с одной стороны, и значительная часть граждан – с другой, все заметнее расходятся в понимании места и роли религии в жизни общества, поэтому вполне обоснованным будет утверждение, что религиозный вопрос разделил российское общество.

6. Торфянка, «Исаакий», а также события в Екатеринбурге являются частными случаями многочисленных проявлений политизации общества,

¹⁸ Скрыльников П. Путин ограничил Церковь «Прямой линией». РПЦ [МП] согласна на диалог с обществом, но хочет вести его на своих условиях // Независимая газета. 26.06.2017. URL: http://www.ng.ru/facts/2017-06-21/9_422_president.html (дата обращения: 21.04.2018)

связанной с нарастающим недовольством состоянием государственно-конфессиональных отношений в современной России.

7. Градус конфликтности, высокий уровень солидарных действий, разнообразный и резонансный событийный ряд, а также уровень идейной дискуссии позволяют отнести данные события к разряду политических.

8. Большой общественный резонанс вокруг указанных событий характеризует их как плебисцитарные.

Библиографический список

- [1] Ситников М.Н. Религия и метаморфозы конфессиональной идеологии // Светскость, секуляризм, религиозность: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты / под ред. Е.С. Элбакян. – Бишкек, 2020. С. 56–61.
- [2] Морозов О.В. Легенды и мифы российской истории: историческая политика руководства Русской православной церкви в начале XXI в. // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014.
- [3] Филатов С.Б. Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова [коллективная моногр.]. 2-е изд. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Моск. Центр Карнеги, 2009. С. 8–41.
- [4] Кнорре Б.К. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014.
- [5] Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2018 году: сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «Сова» / В. Альперович, М.А. Кравченко, О.А. Сибирева, Н.Ю. Юдина; под ред. А.М. Верховского. М.: Центр «Сова», 2019.
- [6] Ряховский В.В. Актуальные проблемы реализации свободы совести в контексте ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», антиэкстремистского и смежного с ним законодательства в Российской Федерации // Светскость, секуляризм, религиозность: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты / под ред. Е.С. Элбакян. Бишкек, 2020. С. 127–136.
- [7] Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003.
- [8] Пчелинцев А.В. Светскость государства как конституционно-правовая гарантия реализации свободы вероисповедания // Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н. Свобода совести в современной России. – М.: Региональная общественная организация содействия просвещению граждан. Информационно-аналитический центр «Сова», 2017. С. 71–88.
- [9] Мельников А.Л. Владимир Путин: набожный лидер светского государства / Светскость, секуляризм, религиозность: исторические, юридические и философско-мировоззренческие аспекты / под ред. Е.С. Элбакян. Бишкек, 2020. 61–68.
- [10] Лункин Р.Н. Православные консерваторы и общество: движение «Сорок сороков» // Пчелинцев А.В., Загребина И.В., Лункин Р.Н. Свобода совести в современной России. М.: Региональная общественная организация содействия просвещению граждан. Информационно-аналитический центр «Сова», 2017. С. 5–22.

References

- [1] Sitnikov M.N. Religion and metamorphoses of confessional ideology. In: *Secularism, secularity and religion: historical, legal, and philosophical aspects*. E.S. Elbakyan (ed.). Bishkek; 2020. p. 56–61 (In Russ.).

- [2] Morozov O. The Legends and Myths of Russian History: the Russian Orthodox Church's Approach to History at the Start of the Twenty-First Century. In: *Constructing and Deconstructing the Secular World*. Filatov S., Malashenko A. (eds.). Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN); Moscow Carnegie Center; 2014 (In Russ.).
- [3] Filatov S.B. Traditional religions, "Russian civilization" and sovereign democracy. In: *Religion and globalization in the expanses of Eurasia*. Filatov S., Malashenko A. (eds.). Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN); Moscow Carnegie Center; 2009. p. 8–41 (In Russ.).
- [4] Knorre B.K. Russian Orthodoxy. Post-Secular Institutionalization in the Realm of Power, Politics, and the Law. In: *Constructing and Deconstructing the Secular World*. Filatov S., Malashenko A. (eds.). Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN); Moscow Carnegie Center; 2014 (In Russ.).
- [5] Alperovich V., Kravchenko M., Sibireva O., Judina N. *Xenophobia, freedom of conscience and anti-extremism in Russia in 2018*: Collection of annual reports of the information and analytical center "Sova". Verhovskiy A. (ed.). Moscow: Sova center; 2019 (In Russ.).
- [6] Ryakhovskiy V.V. Actual problems of the implementation of freedom of conscience. In: *Secularism, secularity and religion: historical, legal, and philosophical aspects*. E.S. Elbakyan (ed.). Bishkek; 2020. p. 127–136.
- [7] Ponkin I.V. *Legal basis of secularism of the state and education*. Moscow, Pro-Press; 2003. P. 33 (In Russ.).
- [8] Pchelintsev A.V. Secularism of the state as a constitutional and legal guarantee of religious freedom. In: Pchelintsev A.V., Zagrebina I.V., Lunkin R.N. *Freedom of conscience in modern Russia*. Moscow: Regional public organization for promoting citizen education. Information and analytical center "Sova"; 2017. p. 71–88 (In Russ.).
- [9] Melnikov A.L. Vladimir Putin: the pious leader of a secular state. In: *Secularism, secularity and religion: historical, legal, and philosophical aspects*. E.S. Elbakyan (ed.). Bishkek; 2020. p. 61–68 (In Russ.).
- [10] Lunkin R.N. Православные консерваторы и общество: movement "Sorok sorokov". In: Pchelintsev A.V., Zagrebina I.V., Lunkin R.N. *Freedom of conscience in modern Russia*. Moscow: Regional public organization for promoting citizen education. Information and analytical center "Sova"; 2017. p. 5–22 (In Russ.).

Информация об авторе:

Пинкевич Василий Константинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений РАНХиГС при Президенте РФ (ORCID ID:0000-0002-0705-7179) (e-mail: titla@yandex.ru).

Information about the author:

Vasily K. Pinkevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of State-Confessional Relations of the Russian Presidential Academy of Sciences (ORCID ID:0000-0002-0705-7179) (e-mail: titla@yandex.ru).